

В город Таня с матерью ехали на колхозном грузовике. Всю дорогу мать повторяла, чтобы Таня во всём слушалась крёстную – тётю Марию, на улице рот не разевала, так как город не деревня, там людей и машин видимо-невидимо. Главная её обязанность – отовариваться по продуктовым карточкам крёстной, а очереди там длинные. И не ленилась чтоб, по дому помогала. Что дядя Иван на фронте, а детей не нажили. Вот и мыкается Мария одна. Таня слушала, слушала... Скорей бы уже приехать к лёле!

Таня и раньше бывала в гостях у крёстной. Она жила в районном центре – небольшом шахтёрском городке. Муж лёли, дядя Иван, до войны работал в шахте, зарабатывал хорошо. Потом дядю отправили на фронт, а крёстная окончила курсы горнорабочей и пошла в шахту, на очистной участок – лаву. «На шахте теперь баба – мужик!» – грустно шутила она. Мама переживала, что Мария не успевает высыпаться от смены до смены. Ей как шахтёру полагалось больше граммов в продуктовых карточках и похлёбка – горячее питание.

– Нинка поди уросит дома-то? Хоть бы Вася с ней сладил! – спохватилась мама, вдруг вспомнив оставленных дома детей, – Я тебя передам Марии да сразу обратно!

Таня кивнула.

– Mam, а тятя скоро приедет?

– Скоро, скоро! Отец теперь не литовки в колхозе отбивает, а бомбы катает! Приедет через неделю и тебя заберёт. Хоть с сестрой повидается!

Отца Таня видела дома редко, он с начала войны работал на заводе в городе, в другом районе.

А в деревне был свой огород. Большая часть урожая шла на фронт. «Ничего, с голоду не умрём! – приговаривала мама. – Нам тут легче, чем в городе. А на фронте и того трудней!»

На машине из деревни до дома крёстной приехали быстро. Хорошо, что квартира её не в центре, от большой дороги недалеко!

Мария с радостью встретила крестницу. Мама дальше порога даже проходить не стала, торопилась. Да и грузовик долго ждать не мог.

Утром Мария рано подняла Таню, собираясь на смену. Показала, где лежат продуктовые карточки, объяснила, как быстрее дойти до магазинчика под мостом и несколько раз повторила номер в очереди. Очередь за хлебом крёстная заняла ещё вчера. Обняла крестницу и ушла. Таня умылась, туго заплела косу, похлебала вчерашний суп и, достав карточки, стала их разглядывать. Карточек было три. На одной написано: «Хлеб. Норма

500 г в день», на других – про макароны, крупу и сахар. На всех: «На октябрь 1942 года», посередине – непонятная для Тани надпись: «Рабочие и ИТР 1 катег.». А внизу всех карточек: «При утере карточка не возобновляется». Таня долго внимательно читала последнее длинное слово по слогам. Быстро оно не проговаривалось. Она положила карточки в карман и вышла на улицу. До магазина было рукой подать, она раньше частенько с мамой и крёстной туда ходила, покупали леденцы и местные тульские пряники. И что бы ни говорила мама, Таня истинно верила, что пряники эти точно привозили из далёкого города Тулы.

Подойдя ближе к магазинчику, Таня едва узнала его – всё вокруг было по-другому. Людей много. Одни стояли, другие, постарше, сидели на чём придётся. Девочка заняла свою очередь и огляделась. Люди вокруг тихо переговаривались. Таня молча прислушивалась и думала, что мама была права и людей в очереди очень много, наверное, целая деревня. Таня нащупывала в кармане карточки. Её очередь была не сильно далёко. Чем ближе она продвигалась к окошку, тем сильнее пахло хлебом. Таня вспомнила, как мама в прошлом году пекла ароматные булочки. А рядом младшая Нинка – вся в муке. Нинка стояла у стола на лавке в перевёрнутой вниз сиденьем табуретке, перевязанной маминым чулком, как в клетке. Но зато была под присмотром у матери, и не нужно было Тане с ней водиться. Таня с братом ходили на луг и в поле, что у деревни, и собирали разные травы: лебеду, крапиву и пучки, колбу, петушки, копали корни саранок. Прошлой зимой они с Васей зимой ходили на картофельное поле. Картошку-то с колхозных полей убрать не успели, рук не хватило, и часть картофельного поля так и ушла под снег. Мама дала им топор, лопату и мешок. На поле снега много, ноги проваливались, идти было трудно, а тут ещё мама шалью своей укутала – не повернуться. А Вася впереди прокладывал дорогу, чтобы ей легче идти, и помогал встать, когда Таня падала. Потом вместе разгребали снег, с трудом отыскивая засохшую картофельную ботву. Вася рубил топором мёрзлую землю. Топор звенел, а картошка на картошку не походила – была как камни. Вася вырубал её вместе с землёй, Таня складывала эту каменную картошку в мешок. Потом они вместе волокли мешок к дому. А ещё топор и лопату. Зато мама вечером наделала оладьи из картошки, которые все называли «тошнотики».

Таня загляделась на грязных голодных воробышек. Птицы прыгали возле лужи и слетались

к ногам стоящих людей, выискивая еду. Нащупав в глубине кармана несколько завалывшихся семечек подсолнуха, Таня подошла ближе к воробьиной стайке и бросила семечки птицам. Воробьи накиннулись, быстро всё склевали и ждали добавки. Девочка улыбнулась.

Вдруг около Тани откуда-то появились мальчишки и затеяли потасовку. Потом так же неожиданно убежали. По очереди пронёсся недовольный ропот. А Таня подумала: «На вид такие, как Вася, но мой брат другой, он серьёзный, как папа».

– Продвигайся! Не задерживай очередь! – вдруг услышала за спиной визгливый женский голос, который заставил её вздрогнуть.

Обернувшись, Таня увидела позади себя грузную женщину в цветастом платке.

– Спишь, чё ли? Ты чья будешь-то? Вчера я тебя тут не видала...

– Не здешняя я... К лёле приехала. Из деревни. У нас там в школе пятого класса нету. Помогаю вот.

– А сама-то она где?

– В лаву ушла. На сутки, сказала...

– Следующий! – прозвучало из окошка магазинчика.

Таня встрепенулась. Это её очередь. Она кинулась к окошку и, опустив руку в заветный карман, похолодела. В кармане было пусто. Карточки исчезли... Все! Она в панике стала выворачивать карманы, но обнаружила только сор и шелуху от семечек, которая посыпалась на землю. На неё тут же набросились знакомые воробьи в надежде найти съестное. У Тани потемнело в глазах и зашумело в ушах, и она упала бы, если бы её не подхватили чьи-то руки. По щекам покатились слёзы. Она пыталась стереть их с глаз, но только размазывала по лицу. «При утере карточка не возобновляется», – стучало в голове. Таня посмотрела под ноги, потом кинулась к луже, где прыгали воробьи. Ни-че-го... В очереди понимающе стихли. Люди вокруг расступились, пытаясь помочь в поиске.

– Господи! Что же делается? – нарушила тишину женщина в цветастом платке и протянула карточки в окошко. Получив паёк хлеба, отломив кусок и подала девочке.

– Спасибо! – тихо прошептала Таня, подняв на женщину полные слёз серые глаза, и неуверенно взяла хлеб. Потом быстро пошла к дому крёстной, не теряя надежды, что карточки выронила по дороге. Она рассматривала каждую булочку, заглядывала под камушки. Ни-че-го...

В квартире карточек тоже не было. «Потеряла, потеряла... При утере карточка не возобновляется, – пульсировало в висках. – Как теперь лёля жить будет? Нужно бежать домой, там мама, она поможет...»

Девочка ещё раз обвела взглядом комнату, достала из кармана подаренный хлеб и, глядя на него, всхлипнула. Потом разломилась. Маленький кусочек завернула в тряпицу и спрятала в карман, а больший оставила на столе, прикрыв полотенцем. Девочка выбежала из квартиры крестной и направилась к маме. В деревню.

По городу идти было легко. Дул слабый ветерок. Но он усилился, как только Таня вышла на открытую дорогу. Он стал промозглым, от него слезились глаза. Она то и дело вытирала их рукавом выцветшего пальто, но это не помогало. Стояло начало октября. А октябрь в Сибири такой: то непогодой задождит, то теплом пригреет, а бывает, он и с запахом снега. Хорошо ещё, что не было дождя, хотя хватило и того, что он шёл несколько дней, превратив дорогу в сплошное месиво. Девочка еле волочила ноги: налипшая на обувь грязь вперемешку с травой походила на кандалы.

Выбрав сухое место у дороги, она остановилась, заправила выбившиеся русые волосы в платок и начала вытирать обувь о траву. Двенадцатилетняя Таня носила брезентовые туфли матери. Они были тёмно-зелёного цвета, с двумя большими пуговицами. Туфли хлябали, и приходилось носить их с шерстяными носками, потуже обвязав бечёвкой вместо шнурков. В школе она очень стеснялась своих башмаков, но её прежние туфли развалились ещё в прошлом году, а новых не было.

«Что делать, что делать? – рассуждала девочка. – Как сказать лёле? Она теперь останется без хлеба... Всё из-за меня! Моя лёля может умереть с голоду! – Таня ещё больше испугалась своих мыслей. – Нет! Она не может умереть!» Обхватив рукой края одежки, где вместо пуговицы чёрным паучком жалко болтались нитки, всхлипнула: «Ещё и пуговку где-то потеряла... Мама заругает...». Потом воодушевилась: «Ну и пусть! Пусть ругает! Лёлочка моя-а... Я дойду! Ты никогда не умрёшь!»

Кусты вдоль дороги шелестели разлетающейся осенней листвой и изгибались, иногда принимая на себя порывы ветра, словно хотели защитить путницу. Она понимала, что до деревни ещё далеко и нужно успеть до темноты. Достав из кармана кусочек чёрного хлеба, несколько мгновений вдыхала его хлебный дух, потом откусила. Сразу вспомнила про крестную: «Надо идти!».

Совсем уставшая девочка с облегчением вздохнула, увидев издали знакомую гору, на которой росли две тонкие берёзки: именно здесь летом она с матерью собирала ягоды. Там, за горой, бывшее картофельное поле, а рядом деревня.

Вечерело. Мать мазала обветшалый дом глиной, пока ещё позволяла погода и снова не начались дожди. Нинка, закутанная в мамину шаль, стояла рядом в своей табуретке.

Увидев дочь у ворот дома, мама уронила ведро и всплеснула руками:

– Таня?! Что случилось? Ты с кем?

Дочь бросилась к ней и, захлёбываясь слезами, рассказала о потерянных карточках. Нинка тоже заревела.

Продукты собирали всей деревней. Помогли кто чем мог. На следующий день к обеду, выпросив коня в колхозе, погрузили всё в телегу и поехали к Марии в город. Двоюродный дед Михаил, потерявший ногу ещё в начале войны, ловко управлял лошастью. До Тани доносились матерные слова. Дед любил крепко выразиться, и лошадь его понимала. Таня морщилась и старалась не слушать. Отец её в отличие от деда Михаила никогда не матерился. «Меня видно ругает... Он на войне был... Теперь без ноги... А лёля из-за меня от голода...» – Таня прижалась к матери. Дед обернулся: «Не замёрзли? Ноги-то тулупом кутайте! Не лето чай... Скоро приедем!». И подмигнул Тане.

Потом всю дорогу молчали. Каждый думал о своём.

К вечеру подъехали к дому Марии, не застав её, привязали коня к дереву и стали дожидаться хозяйку. Ждать пришлось долго, часа два или больше, прежде чем они увидели в сумерках знакомую невысокую худощавую фигуру женщины. Когда крестная подошла ближе, в свете фонаря Таня заметила, что лицо её осунулось, потемнело.

– Лёлочка, милая, прости! Я не хотела их потерять, – бросилась к крестной Таня, чуть не запнувшись о мешок с продуктами. – Вот картошка тебе и грибы!

– Я тебя везде искала... – с дрожью в голосе проговорила Мария, обняв крестницу. Та уткнулась лицом в фуфайку Марии, и обе расплакались. Мать тоже с облегчением заплакала.

Стоящий рядом на деревянном протезе дед Михаил отвернулся. Потом по-мужски твёрдо и уверенно проговорил:

– Ничего, дочки, прорвёмся! Обязательно прорвёмся!